

Л. А. БУЛАХОВСКИЙ

ГРАММАТИЧЕСКАЯ ИНДУКЦИЯ В СЛАВЯНСКОМ СКЛОНЕНИИ

В практике сравнительно-исторических исследований значительную роль играет усовершенствование приемов обращения с грамматической аналогией и родственными ей понятиями.

В настоящей статье рассматриваются на конкретном материале некоторые вопросы, относящиеся к области, охватываемой общим понятием грамматической индукции, под которой понимаются изменения внешнего облика грамматических форм в результате влияния на них других форм, в том или другом отношении сходных с изменяющимися. Ближайшая задача статьи — показать, что приемы изучения явлений этого рода, применяемые в сравнительном языковедении восемьдесят с лишним лет, отнюдь не всегда столь произвольны в своих результатах, как это часто представляют себе некоторые исследователи, особенно начинающие, и что рациональное, достаточно осторожное обращение с материалом позволяет делать выводы, вполне поддающиеся конкретному обсуждению и проверке. При этом есть все основания думать, что соответствующие выводы, если не придавать им абсолютного значения, имеют определенную ценность.

Сеть морфологических ассоциаций, составляющих природу языковых форм, как известно, очень сложна, и обнаружение ее отдельных нитей требует в каждом случае учета довольно большого числа вероятностей, иногда, в наименее благоприятных для исследования случаях, — даже одних только возможностей. История применения сравнительно-исторического метода по отношению к грамматической аналогии и родственным ей явлениям показывает, что едва ли не в подавляющем большинстве случаев грамматической аналогией практически занимались только попутно, недостаточно обосновывая соображения о выборе тех, а не других принимаемых допущений. Последствием подобного подхода явилось то, что аналогия и т. п. оказывалась областью лингвистической науки, разработка которой практически оставалась до странности запущенной.

Имевшие место попытки пересмотреть с теоретической точки зрения трактовку соответствующих явлений также пока что мало помогли делу. После изложения вопросов грамматической аналогии в работе Г. Пауля «Prinzipien der Sprachgeschichte» (1880)—этом «евангелии» младограмматиков, отдельные разделы которого стали классическими, наиболее примечательными были соответствующие положения работ В. Вундта¹ и К. Фосслера² (у последнего, впрочем, более любопытные, чем убедительные),

¹ W. Wundt, *Völkerpsychologie*, Bd. I — Die Sprache, 4-e Aufl., Heidelberg, 1921, стр. 441—468.

² K. Vossler, *Positivismus und Idealismus in der Sprachwissenschaft*, Heidelberg, 1904, стр. 67—69; *е го же*, *Sprache als Schöpfung und Entwicklung*, Heidelberg, 1905, стр. 118—121.

небольшая статья Я. Розвадовского¹, а также отдельные высказывания О. Есперсена². Разработка интересующего нас вопроса имела место и в более позднее время³.

Попытки критики и усовершенствования метода, по крайней мере в области славянских языков, в недостаточной степени сопровождались улучшениями в практике исследования, хотя из числа частных работ в области славянского языкознания можно отметить, например, тщательно выполненную диссертацию Генр. Улашина⁴, на которой непосредственно отразилось влияние вундтовской классификации явлений. Внимательный анализ фактов аналогии содержат также некоторые книги, посвященные отдельным славянским языкам или всей славянской языковой семье⁵.

Последней по времени попыткой пересмотреть в теоретическом плане вопросы грамматической аналогии является статья В. М. Жирмунского, в которой анализируются предшествующие концепции и обосновывается не новый, впрочем, по существу тезис, что «... так называемая грамматическая аналогия представляет собою отнюдь не хаос случайных, разорванных языковых фактов, вступающих между собой в механические ассоциативные связи, и вместе с тем, разумеется, не результат намеренной и сознательной индивидуальной инициативы. Это — сложный и противоречивый диалектический процесс в развитии грамматического строя данного языка, совершающийся по внутренним законам его развития»⁶. Указывая далее, что «прогрессивный характер и внутренняя целесообразность этого процесса определяется его ролью в улучшении грамматических правил и тем самым в развертывании и совершенствовании грамматического строя данного языка как орудия общения людей»⁷, автор по существу берет только одну сторону явления. В. М. Жирмунский оставляет тем самым вне рассмотрения трудный и важный вопрос об аномалиях, т. е. о вызванных специальными мотивами отклонениях от «больших путей» аналогии, благодаря действию которой частности фонетического развития складываются в «фонетические законы», частности морфологического развития — в новые морфемы. Научиться определять с возможной точностью действие моментов, нарушающих аналогию, — и есть неотложная задача усовершенствования метода, задача, которой фактически так долго не уделялось надлежащего внимания.

При всем этом следует отметить, что и сейчас, через 80 лет после выхода в свет превосходной диссертации И. А. Бодуэна де Куртенэ «Опыт фоне-

¹ J. v. Rozwadowski, Ein quantitatives Gesetz der Sprachentwicklung, «Indogerm. Forsch.», Bd. XXV, 1909, стр. 38 и сл.

² O. Jespersen, Language, its nature, development and origin, 1922 (1923), стр. 93 и сл., 162 и сл., 289.

³ Из новейшей литературы см.: Ed. Hermann, Lautgesetz und Analogie, «Abhandlungen der Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen», Phil.-hist. Kl. Neue Folge, Bd. XXIII, 3, Berlin, 1931; J. Kuryłowicz, Études indoeuropéennes, I, Kraków, 1935, гл. V; его же, La nature des procès dits «analogiques», «Acta Linguistica», Copenhagen, 1945—49, vol. V, fasc. I, стр. 15—37; V. I. Skaličková, O analogii a anomalii, «Slovo a slovesnost», ročn. XI, č. 4, 1949, стр. 145—162.

⁴ H. Ułaszyn, Über die Entpalatalisierung der urslav. e-Laute im Polnischen, Leipzig, 1905.

⁵ См.: W. Vondrák, Vergleichende slavische Grammatik, Bd. II— Formenlehre und Syntax, Göttingen, 1928; А. М. Селищев, Славянское языкознание, т. I — Западнославянские языки, М., 1941; А. Leskien, Grammatik der serbo-kroatischen Sprache, Heidelberg, 1914; F. Lorentz, Geschichte der pomoranischen (kashubischen) Sprache, Berlin — Leipzig, 1925; J. Łoś, Grammatyka polska, część III, Odmienienia (fleksja) historyczna, Lwów — Warszawa — Kraków, 1927; F. Trávníček, Historická mluvnice československá, Praha, 1935, и др.

⁶ В. М. Жирмунский, Внутренние законы развития языка и проблема грамматической аналогии, «Труды Ин-та языкознания [АН СССР]», IV, 1954, стр. 110.

⁷ Там же.

тики резьянских говоров»¹, образцовыми для славянского языкознания остаются некоторые замечания автора об аналогии, отличающиеся большой конкретностью постановки соответствующих вопросов. Таково, например, выдвинутое им положение об особой силе индукции со стороны именительного падежа у одушевленных имен², хотя в этом вопросе, по крайней мере для отдельных случаев, возможен спор, не касается ли тут дело главным образом названий только лиц или лиц и животных (домашних и диких). Можно сомневаться в правильности положения Бодуэна де Куртене, что «самым употребительным падежом... второй категории существительных (обозначающих предметы неодушевленные) является, кроме *locativ'a, accusativus*»³, однако и это положение может быть предметом определенного плодотворного научного спора, и поэтому вполне целесообразно рассмотрение его на более широком (а не только резьянском) материале.

Особенно опасен в изучении интересующего нас вопроса априоризм — желание иметь дело с закономерностями там, где они еще не обнаружены. Ассоциации речевых звуков в индивидуальном сознании, повидимому, отлагаются в виде системы⁴; исторические изменения звуков речи, принадлежащие относительно замкнутым коллективам, видимо, также отлагаются как последовательные (закономерные) замещения («фонетические законы»)⁵; что же касается областей языка, связанных с собственно смысловыми моментами (не исключая форм словоизменения), то понятие системы в замещениях здесь весьма относительно. При всех уступках, которые мы готовы сделать встречающимся частным отклонениям, при всей готовности довольствоваться в результате систематизации материала даже относительно небольшими группами, в которые укладываются факты, — мы нередко сталкиваемся с такой пестротой материала, которая и вообще едва ли может быть упорядочена. При этом нет определенной надежды, что более осязательные результаты будут получены по отношению к мелким единицам-говорам или наречиям сравнительно с литературными языками, так как мы не знаем, получают ли языковые факты морфологического характера большее единообразие в малых коллективах или же в больших, где они «обтачиваются» в процессе соприкосновения и борьбы диалектов.

В настоящее время слабым сторонам сравнительно-исторического метода уделяют обостренное внимание с тем, чтобы найти средства для их преодоления. В этих условиях большое значение приобретает изучение фактов аналогии и родственных ей явлений, изучение, при помощи которого можно было бы уточнить соответствующие факты и поставить их трактовку на реальную почву.

Такого рода работа нелегка и требует привлечения большого количества фактов, но начать ее необходимо, хотя бы и ограничивая временно свою задачу рассмотрением небольшого круга явлений. В предлагаемых ниже очерках и ставится задача — наметить некоторые общие линии возможного исследования пока что одной ограниченной группы явлений, связанных с тем, между какими категориями именного склонения действует вообще индукция? Анализ конкретного материала славянских языков должен при

¹ И. Бодуэн де Куртене, Опыт фонетики резьянских говоров, Варшава — СПб., 1875.

² См. там же, §§ 166—167.

³ Там же, § 166.

⁴ Важны в этом отношении «специальные» изучения ранней детской речи.

⁵ Не касается, однако, особенно трудного вопроса об ассимиляции: диссимиляции.

этом показать с возможной определенностью, когда и при каких условиях возникает действие индукции, на основании каких признаков возможно суждение о ее направлении и степени вероятности тех или иных ее результатов, и подвести к заключению о степени распространенности тех или других наблюдаемых отношений.

Комплекс явлений, которые в практике языкознания чаще именуется а н а л о г и ч е с к и м и, принципиально сводится к воздействию друг на друга в большей или меньшей мере осемасиологизированных морфологических элементов¹. По отношению к ним (как и к соответствующим собственно звуковым явлениям) ряд ученых пользовался общим термином и н д у к ц и и, и этот термин в различных его производных (индуцирующие, индуцируемые категории и т. п.) стоит сохранить как общий для всех морфологических явлений этого порядка в качестве родового понятия. Понятие грамматической аналогии целесообразно при этом приурочить к более узкому значению о п о с р е д с т в о в а н н о й и н д у к ц и и.

Иногда трудно бывает решить (и это один из острых вопросов сравнительно-исторического метода), с чем на самом деле нужно считаться в первую очередь при объяснении изменений, пережитых соответствующими формами, — с п р я м о ю л и н д у к ц и е й со стороны одной формы на другую или же с о п о с р е д с т в о в а н н о й индукцией — «разрешением пропорции». П р я м а я индукция предполагает прежде всего определенное взаимодействие падежных примет (окончаний и связанных с ними особенностей основы) в одних и тех же словах (лексемах); например, замену старой формы дат. падежа мн. числа *селомъ* формой *села* в результате влияния окончания им.-вин. падежей мн. числа *села*. О п о с р е д с т в о в а н н а я индукция (собственно г р а м м а т и ч е с к а я а н а л о г и я) основана на сближениях, которые могут наблюдаться между р а з н ы м и парадигмами (особенностями различных склонений). Например, оттянутое ударение в им. падеже мн. числа *жёнъ* вместо старого *женъ* у существительных женского рода, имеющих в единственном числе формы именительного-винительного падежей с ударением на окончании: *женá* — *женú*, является результатом грамматической аналогии, или, иначе, опосредствованной индукции, со стороны типа имен существительных женского рода с подвижным ударением: *водá*: *вóду*, им. падеж мн. числа *вóды* и т. п.

Собственно аналогическое явление с большой вероятностью можно видеть и в определенных фактах склонения в сербском языке. Местный падеж множественного числа в литературном сербском языке и лежащих в его основе говорах, как известно, имеет то же окончание, что и дательный-творительный-*ма*. Индукцию формы дательного-творительного на местный как прямую предполагать нет никаких оснований. Правдоподобно поэтому объяснение А. Белича, что окончание дательного-творительного -*ма* вытеснило в течение XVI в. старое окончание местного (предложного) аналогически². С отпадением в ряде сербских говоров конечного согласного *x* частично произошло отождествление форм творительного и местного падежей множественного числа; ср. по́лы: по́ли (x) и случаи вроде

¹ См. W. W u n d t, указ. соч., стр. 462 и сл. Что касается материальных значений (значений корней и основ), которые тоже подвергаются прямой ассоциативному воздействию со стороны других подобных, то включение и этих явлений в число аналогических, как это делал, например, Б. Дельбрюк (B. D e l b r ü c k, *Einleitung in das Studium der indogermanischen Sprachen*, 6-е Aufl., Leipzig, 1919, гл. 7), слишком расширяет понятие «аналогии» и нуждается, поскольку дело идет об исследовательской практике, в другом терминологическом обозначении.

² А. Б е л и ч, О двојини у словенским језицима, Београд, 1932, стр. 120—121.

à kolī : nà kolī(x)¹. По аналогии в функции местного падежа множественного числа могла начать употребляться форма дательного-творительного, причем с течением времени такое ее употребление становилось все более широким.

Различение прямой и опосредствованной индукции (грамматической аналогии), при всем своем значении, имеет лишь довольно относительную силу. Так, например, в практике исследования нам все время встречаются факты, объясняемые непосредственной индукцией, но вместе с тем в той или иной степени связанные также с воздействием фактов аналогического порядка. В восточных и западных славянских языках в форме творительного падежа единственного числа былых *o*-основ обнаруживается, например, редуцированный гласный *-ǝ*; ср. др.-русск. *мостѣмъ*, *ворогѣмъ* и т. п. (вместо исконных *мостомъ*, *ворогомъ* и т. п.). В этой замене естественно видеть прямую индукцию былого именительного падежа единственного числа: *мостъ*, *ворогъ* и т. п. Но осуществилась она, по всей видимости, не непосредственно, а по аналогии с отношениями, уже существовавшими у *ǝ*-основ: *сынъ* : *сынѣмъ*, *медъ* : *медѣмъ* и т. п.

Другой пример. Есть достаточно надежные основания считать засвидетельствованной диалектами словенского языка индукцию местного падежа множественного числа мужского твердого склонения на дательный этого же числа *zobēm*, *stolēm*, *grobēm* — под влиянием *zobēh*, *stolēh*, *grobēh*. Следует указать, однако, что эта индукция наблюдается в ограниченных условиях — при ударенном гласном флексии *i*, соответственно, при определенном характере корневого гласного, имеющего нисходящую долготу или краткость в односложном существительном именительного-винительного падежей единственного числа. Однако было бы упрощением фактов рассматривать данную индукцию как непосредственную. Определенную роль в ее возникновении играли отношения, искони существовавшие у местоимения *tъ*, *ta*, *to*, имевшего на словенской почве форму дат. падежа мн. числа *tēm*: местн. падежа *pri tēh*. Меньше оснований думать о роли словенского параллелизма этих падежей, т. е. о роли наличия у них общего окончания *-i* в единственном числе.

Для говоров, где первая часть окончания дательного падежа звучит *je (-m)* : *zobjēm*, Рамовш обоснованно подчеркивает роль влияния им. падежа мн. числа *zobjē²*.

Еще один пример. По отношению к форме родительного падежа единственного числа женского склонения на *-a* в белокраинском наречии словенского языка (имеются в виду формы *sestri*, *roki*) предполагают индукцию дательного-местного падежей, т. е. окончания *-i*, присущего этим падежам, усвоенного здесь, в свою очередь, из былых *jā*-основ (т. е. из соответственного мягкого склонения)³. Данную индукцию, хотя она осуществляется

¹ Диалектный материал приводится в работе в написаниях (в транскрипции) авторов соответствующих книг и статей. Унифицировать такой материал без подробных объяснений рискованно, а подробные объяснения отвлекли бы читателей далеко в сторону. Подготовленных читателей, т. е. знакомых с соответствующими литературными языками и научной транскрипцией, понимание приводимых примеров, думаю, вряд ли затруднит, тем более, что в случаях, где существует действительная опасность неверного чтения, угрожающего смыслу, при приведенных примерах сделаны необходимые указания.

² F. R a m o v š, Morfologija slovenskega jezika, Ljubljana, [1952], стр. 47. К сожалению, Рамовш не касается при рассмотрении данного вопроса акцентных отношений и не указывает, как в соответствующих говорах относятся между собою, например *zobem* и *zobēh*.

³ Доказательства этого приведены у Ф. Рамовша (указ. соч., стр. 56—61). Характерное для белокраинского наречия колебание в родительном падеже единственного числа (*ribi* или *ribe*) повторяет то, что наблюдается в дательном-местном, где конечное *e* (*ē*) — из *i*.

в пределах одной и той же парадигмы, нельзя, однако, считать прямой в точном значении понятия, поскольку сохраняет свою роль также и совпадение окончаний родительного-дательного-местного у *ь*-основ (если не считать специфического места ударения — конечного у некоторых слов этого склонения в местном падеже).

В нашем изложении с возможной определенностью проводится очень важное различие типов индукции: прямой и относительно-прямой, с одной стороны, и опосредствованной (аналогической), с другой. Что же касается различия в пределах прямой и относительно-прямой индукции — индукции полной и частичной, а также и индукции собственно флективных элементов, индукции элементов осново-флективных, наконец, индукции, касающейся материальной (собственно смысловой) части слов, то, повидимому, практически целесообразнее их не выделять в особые разделы, и потому в дальнейшем соответствующие замечания даются только попутно.

Важно также подчеркнуть роль и такого издавна хорошо известного фактора, как **к о н т а к т н ы е** влияния. Несомненно, что ряд исторических изменений флексии обусловлен не только действием ассоциаций форм в границах одних и тех же слов или разных слов одинакового морфологического типа, но и тем, какие **с о г л а с у е м ы е** формы других категорий (прилагательных, местоимений) оказывали влияние на соответственные изменения имен существительных. Это случаи вроде сербского и словенского окончания родительного падежа единственного числа бывших *ā*-основ на *-ě*, с восходящей долготой, заимствованного от местоимений и членных прилагательных, где это долгое *e* — продукт стяжения конечных гласных. Русские диалектные формы родительного падежа единственного числа этого же склонения (*жене, бабе, реке*) и дательного-предложного единственного числа (*женѣ, бабы, рекѣ*) также появились под влиянием совпадения тех же падежей у прилагательных (*старой, глубокой* и т. п.).

Естественно среди явлений индукции различать: а) такие, которые касаются изменения звуковой оболочки материальной (смысловой) части слова, т. е. случаи вроде: русск. *омѣле, берѣзе* под влиянием *омѣла, берѣза, омѣлы, берѣзы* и т. п.; польск. *ścianie, żonie* под влиянием *ściana, żona* и т. п. (др.-польск. *ścienie, żenie*); б) такие, в результате которых изменяются приметы соответствующей группы склонения; ср. прошикнувание из некоторых падежей *ь*-основ приметы *-ov-* в другие, как, например, в *o*-основы в древнем словенском: творительный падеж мн. числа *darovmi, kosovmi*; в) такие, которые приводят к замене в определенной категории склонения одного окончания другим в результате прямой индукции; ср. вытеснение окончаниями дательного и творительного падежей множественного числа *-т* и *-ті* окончания *-та* двойственного числа и наоборот.

Относительно нередки и случаи, когда на те или иные падежи влияет падежное окончание, по своему характеру пригодное для того, чтобы стать элементом новой основы; ср. серб. *јелени : јеленима* и т. п.

Различая эти виды индукции в своем изложении, мы не находим, однако, полезным располагать в соответствии с этими видами самый материал, и свои замечания о тех или других связях индуктивного характера делаем попутно, полагая, что этого достаточно для нужной ориентировки в фактах.

Необходимо сделать несколько предварительных общих замечаний относительно последовательности действия индукции и ее отношения к имеющимся в языке фонетическим закономерностям.

1. Выступая в языке в качестве **т е н д е н ц и и**, воздействие индукции, как это хорошо известно, далеко не во всех случаях осуществляется

полностью. Нередко бывает так, что, осуществившись, скажем, в десятке слов, наметившаяся тенденция может оказаться бессильной в одиннадцатом и т. д.

2. Воздействие индукции не всегда идет по направлению от именительного падежа на другие падежи парадигмы; встречается и обратное воздействие, например, косвенных падежей на именительный по отношению к другим словам. При чем не всегда есть надежные доказательства того, что это взаимодействие происходило в пределах той или иной парадигмы в разное время.

3. Со всей определенностью надо подчеркнуть хорошо известный из практики, но иногда игнорируемый в теории тот несомненный факт, что парадигмы склонения, вообще говоря, не отличаются полной определенностью: говорящий употребляет те или другие из имеющихся вариантов форм, при этом каждая из дублетных форм далеко не всегда бывает связана с какой-нибудь узко-смысловой или стилистической установкой.

4. Индукция может иногда сломить фонетические законы того или иного языка. Однако ее воздействие ограничивается главным образом фонетическими законами уже замирающими, действующими по исторической инерции; сломить живые фонетические законы индукция обыкновенно бывает не в состоянии. Так, например, аномалий, вызванных действием формальной индукции, мы не наблюдаем в случаях, обусловленных такими живыми фонетическими законами, как русское аканье или закон оглушения конечных согласных. С другой стороны, ср. украинский закон «іканья» («ікання»), т. е. переход гласных звуков *o* и *e* в *i* в «старых» закрытых слогах: *ein* «он», *nis* «нос» и «нес», *vil* «вол», *viv* «вел» и т. п., который имеет в сознании говорящих уже только относительную опору, поскольку со времени падения редуцированных гласных не существует отчетливо выраженного различия между слогами, после которых выпал редуцированный гласный, и такими, где его никогда не было. Ср. *mig*, но *могла*, *могло*, *могли*, а по диалектам *migla*, *miglo* и т. д. Действие такого, например, разграничения, как отсутствие перехода *o* в *i* в полногласных формах, при наличии этого перехода в случаях с рефлексацией древнейшей славянской новоактовой интонации (*вброн*, *зблос*, *кблос*, но род. падеж мн. числа *борід*, *голів*; *борідка*, *голівка*), распатало признаки, на которые можно было бы опереться теперь при различении в закрытых слогах *o* и *i* из *o*, и т. д. При таком положении вещей индукция довольно легко преодолевает инерцию народной памяти и может, с одной стороны, нарушить употребление форм с *i* в закрытом слоге в пользу нефонетических *o* или *e*: *содовоз*, *затон*, *затор*, а с другой — привести к переносу *i* в закрытый слог в тех случаях, где по старым закономерностям его не должно было быть: *xirt* вместо обычного *xорт* (в данном слове *o* — из *ъ*), *погірдный* (тоже). При этом обращает на себя внимание тот факт, что обратное направление индукция — проникновение *i* в открытые слоги представляет, вообще говоря, явление значительно более редкое. Этим еще раз подчеркивается, что колебания в употреблении *i* являются особенностью именно закрытых слогов: *борідонька*, *голівонька* и подобные ласкательные возникли, надо думать, как производные не на основе *борода*, *голова*, а непосредственно от *борідка*, *голівка* и т. п.

Изложенные выше общие соображения применяются в предлагаемой статье к вопросам развития флексии имен существительных в связи с развитием одушевленности: неодушевленности. На материале, относящемся к этим вопросам, мы и хотели бы познакомить читателя с некоторыми приемами изучения прямой падежной индукции.

*

При отборе морфологических вариантов в славянских языках наблюдается, как известно, характерное различие именных флексий по признаку лица или одушевленности, с одной стороны, и неодушевленности, с другой.

Грамматическое различие одушевленности: неодушевленности в склонении имен существительных, как известно, получает в славянских языках четкое выражение относительно поздно — в основном уже в период их исторической жизни. Источник (отправной пункт) этого различия для одной из этих категорий, а именно — для винительного-родительного падежей мужского рода, почти не вызывает сомнений: его надо видеть, как в свое время указал В. Вондрак, в форме винительного падежа местоимений *kogo?* — *čto?*, а отчасти, может быть, и личных — *mene, tebe* (родительный-винительный падежи)¹. Этим объясняется и «отставание» винительного падежа множественного числа, например в чешском, где эта форма сохраняет у «твердых» основ старое *y*, не замещаемое и сейчас окончанием родительного падежа даже у одушевленных существительных.

Еще позже оформилось различие по признаку одушевленности: неодушевленности (существ: не-существ) в некоторых других категориях склонения (падежах — числах).

В качестве окончаний, восходящих к определенным основам и сначала употреблявшихся в смысловом отношении безразлично, может быть, например, указано окончание родительного падежа единственного числа мужского склонения *-u*. Теперь во всех славянских языках, кроме польского и словенского, это окончание уже невозможно у одушевленных имен существительных, да и в польском и словенском языках оно ограничено в употреблении (см. в польском употреблении формы на *u* только у слова *wół* — *wółu*, в словенском — у слова *sin* — *sinu*, при новом *sinu*).

Окончание дательного падежа единственного числа *ovi*-старых основ на *-u* в некоторых языках обнаруживает тенденцию становиться приметой названий лиц (тенденцию, ни в одном языке не обладавшую до конца). Укажем в чешском *chlapu* и *chlapovi*, но только *dubu*, хотя такое же окончание принадлежит двум одушевленным: *člověku, bohu*. В словацком также *chlapovi*, но *dubu*. В нижнелужицком окончании *-oju* (из *-ovi*) предпочтительно употребляется у одушевленных, хотя распространено и у других существительных, если их родительный и местный оканчиваются на *-u*; ср. и *-eju* у слов на *-ar*. Это же окончание отчасти (слабо) распространено в украинском, где оно предпочтительно употребляется у названий лиц. Польское *-owie* в именительном падеже множественного числа «твердого» мужского склонения также восходит к основам на *-u* и еще в памятниках не приобрело роли специфического окончания имен лиц². Параллельное ему кашубское *-oŕe*: см. у таких существительных, как *bratoŕe, panŕe, g^hoscoŕe* «гости», хотя это же окончание возможно и у названий животных: *krėk^uoŕe* «вороны», *w^hotoŕe, zⁱėr^oŕe*³. В чешском окончание *-ovė* (из *-ove*) в памятниках встречалось у различных имен существительных, в современном же литературном языке — преимущественно у названий лиц, изредка — у названий существ вообще, совсем редко — у других существительных (последнее

¹ Ср.: Л. А. Булаховский, Курс русского литературного языка, т. II, Киев, 1953, стр. 140—143; П. С. Кузнецов, Историческая грамматика русского языка. Морфология, М., 1953, § 33; П. Я. Черныш, Историческая грамматика русского языка, М., 1954, § 66.

² См. J. Łoś, указ. соч., § 90.

³ Об этих и параллельных окончаниях см. F. Logentz, указ. соч., § 169.

встречается только в высоком слого: *hříchové* «грехи», *skutkové* «дела, поступки, подвиги»); ср. словацкое *-ovia*: *synovia*, *panovia*, *mužovia*¹.

В кашубском языке с различием одушевленности: неодушевленности связано сохранение старого окончания мужского склонения (*o*-основ) *-ə* из *-i*, встречающееся у немногих названий людей и животных: *braco* «братья», *ptōżə* «птицы» (ср. укр. *птахи*)².

В болгарском языке рефлексы старого *-ǣ* (в именительном-винительном множественного числа существительных женского рода) в виде *-e* выступают почти у одних одушевленных имен — *оѿцѣ*, *соинѣ*, *зѣмѣ*, *зѣмиѣ* «земля». Из предметных существительных с окончанием *-e* может употребляться только *сѿецѣ*³.

Некоторую роль при усвоении существительными окончаний из других парадигм может играть категория лица определенного пола. Это имеет место, например, в чешском и словацком языках, где названия мужчин, принадлежащие к женскому склонению на *-a*, получают в именительном падеже множественного числа окончания, раньше характеризовавшие имена мужского рода *ǣ*-основ, — *оѿцѣ*, *-ovia*: *sluhovǣ*, *vladkyhovǣ*, словацк. *sluhovia*, *gazdovia* «хозяева» и т. п.

С выделением среди имен существительных названий лиц (а не вообще «одушевленных» существительных) связано распространение старого окончания *ǣ*-основ *-ove* (*-ove*) в украинских говорах Подкарпатской Руси. Это окончание встречается здесь в именительном падеже множественного числа только у имен существительных мужского рода — названий лиц, например: *сѿѣтѣ*, *брѣтѣ*, *майстрѣ*, *панѣ*, *синѣ*, *кумѣ*, *дружбѣ* («дружба — мужской свадебный чин») и т. п.⁴

В сербском литературном языке переход *к, г, х в ч, ж, ш* в личных именах, в основном, теперь отсутствует: *Анки*, *Стојанки*, *Мики* и т. п.; у нарицательных же его нет только при специальном фонетическом условии — если основа заканчивается на *-цк, -чк, -зг, -сх*: *кочки* «кубику», *тачки* «точка» (хотя *тачки* и допускается), *мази* «мулу», *пасхи*.

Большая стойкость старого окончания именительного падежа множественного числа *-и* наблюдается в русском языке именно у названий лиц в трех следующих словах: *соседи*, *черти* и (устар.) *холопы*.

Противопоставление названий лиц мужского рода другим именам существительным этой же категории в еще большей степени типично для верхнедужидного языка. Противопоставление это тем более примечательно, что оно отразилось в именительном падеже множественного числа одинаково у окончаний — потомков *o*- и *ǣ*-, отчасти и других основ; ср.: *paduži* «воры», *pacholi* «мальчики, парни», *posli*, *sušodzi*, *cerći*, *wojacy*, *kipcy*, *nětcy* и т. п.; *mužovje*, *mužojo*, *synojo*, *wótcjojo*, *rybakojjo* и т. п.

И в нижнедужидном языке, в котором современные окончания именительного падежа множественного числа почти всегда являются результатом индукции винительного падежа, отдельные формы старого именительного сохраняются только у названий людей (лиц): *suseži* «соседи», *svaši* «сваты».

С меньшей определенностью, чем в случаях типа *соседи* и т. п., категория одушевленности в русском литературном языке выступает у имен

¹ См. F. Trávníček, указ. соч., § 286.

² F. Lorentz, указ. соч., § 169. О некоторых существенных подробностях см. там же.

³ Л. Андрейчин («Грамматика болгарского языка», перевод с болг., М., 1949, § 152) дает для этой категории только *оѿцѣ* и *соинѣ*; В. Н. Щепкин («Учебник болгарского языка», М., 1909, § 39) — все указанные слова.

⁴ См.: Ив. Паничевич, Українські говори Підкарпатської Русі і суміжних областей, Прага, 1938, стр. 189 и 203; W. Kuraszkiewicz, рец. в «Rocznik slawistyczny», t. XV (1939), стр. 98.

существительных мужского рода, оканчивающихся в именительном падеже множественного числа на *-ы* (или вторичное *-и*). Здесь у одушевленных существительных ударение преимущественно падает на корневой слог: *во́ры, мо́ты, трэ́сы, бо́ги, во́лки* и т. п., в то время как у других существительных этой категории, отличающихся также исконной подвижностью ударения, этой последовательности не наблюдается. Есть все основания думать, что ударение на корневом слогѣ отражает старое место ударения данной формы, оказавшейся, таким образом, более влиятельной именно у одушевленных существительных. Характерно, что от соответствующих слов обыкновенно невозможен вариант с окончанием *-а*, перетягивающим на себя ударение. В то же время от слов, не обозначающих существ, даже если они имеют ударение на корневом гласном, возможны, даже как более употребительные, формы на *-а*: *сто́ги — стога́, сне́ги — снегá* и т. п.

Заслуживает внимания также наблюдающаяся в современном языке, хотя и не ярко выраженная тенденция противопоставлять по ударению и соответственно — по окончаниям одушевленные и неодушевленные существительные в случаях, где последнее значение является производным по отношению к первому; ср.: *со́боли* (о зверях): *собо́ля* (о мехах); *бо́ровы* (о животных): *борова́* «части дымоходов».

Однако отметим, что сохранение начального ударения у одушевленных имен существительных мужского рода в косвенных падежах (родительном, дательном, творительном и предложном) наблюдается только у немногих названий лиц: *мо́тов, мо́там...*, *трэ́сов, трэ́сам*, но обычными остаются, например, *во́ров, во́рам...*¹. Таким образом, воздействие индукции здесь очень неравномерно. В украинском языке старое окончание именительного падежа множественного числа *о-основ -і* сохранилось с соответствующим изменением *g* в *z* перед ним в одном только слове *дру́зі* (ср. и русск. *друзья́*). В лемковских говорах на восток от Лабирца отмечена в качестве единственного примера форма *во́йсу* «волки»².

Приведенный материал показывает действие тенденции, направленной к использованию бывших вариантов падежных окончаний, восходящих к различным основам, для различения одушевленности (лиц) и неодушевленности, а также большую сопротивляемость одушевленных существительных или названий лиц индукции со стороны других форм парадигмы. В связи с этим естественно было бы ожидать и большей силы индукции формы именительного падежа одушевленных существительных (и названий лиц) на остальные формы. В известной мере подобная тенденция действительно существует, хотя строгой последовательностью она и не отличается.

Особую роль форм именительного падежа подчеркивал, как мы указывали выше, И. А. Бодуэн де Куртене. В своей книге, посвященной фонетике резьянских говоров (см. выше), он писал: «... мне кажется неоспоримым тот факт, что в резьянских говорах развилось при существительных женского рода различие существительных, выражающих одушевленные существа, от существительных, обозначающих предметы неодушевленные, в том смысле, что первым свойственны по преимуществу ударенные окончания (насколько этому не мешают или звуковые законы... или же исконное нахождение ударения не на окончании), между тем как во вто-

¹ У слова *ду́хи* индукция именительного падежа множественного числа на другие падежи осуществилась в литературном языке на глазах истории — во второй половине XIX в. (ср. Л. А. Булаховский, Русский литературный язык первой половины XIX века, М., 1954, стр. 178), но здесь специальная роль могла принадлежать отглагольному от омонимных форм *духóв, духáм...*

² См. И. В. Панькевич, указ. соч., стр. 189, 213.

рых ударением сопровождается один из предшествующих окончанию слогов»¹. Соглашаясь с Бодуэном де Куртенэ в принципиальном отношении, нужно, однако, внести обязательные исправления в его положения, касающиеся специально резьянского наречия. Акцентологическая сторона дела (фонетический закон) для этого наречия вполне ясна: ударение с конечных слогов закономерно оттягивается на предшествующий долгий по происхождению слог, так что индукцию следует учитывать только для слогов по происхождению предударных кратких. По отношению к ним факты распределяются так. Случаи типа: *kòzà* «коза», *norà* «дура», *ohà* «отец», *sastrà* «сестра», *tetà* «тетка», *žanà* «жена»; сюда же условно можно отнести и собирательное *gospodà* (*hospodà*), — указывают, что старые охотыпа со значением лиц и название домашнего животного *koza* сохраняют старое место ударения. Но надо принять во внимание и то, что серьезных условий для изменения места ударения в смысле возможности прямой индукции эта парадигма и не имела, поскольку (для единственного, по крайней мере, числа) во всех падежах окончание в ней было подударным. Речь могла бы идти лишь о сопротивлении со стороны этой парадигмы воздействию аналогии параллельного типа склонения с подвижным ударением (с накоренным ударением в винительном падеже единственного числа и в именительном-винительном множественного). Обращает, однако, на себя внимание, что два названия насекомых *bùha* «блоха» и *òsa* «оса» выступают с ударением на корне, как и слово *òpca* «овца», причем все эти слова, повидимому, имели искони подвижный тип ударения. Для первых двух очень вероятно индукция, основанная на характере понятий и шедшая со стороны именительного-винительного падежа множественного числа. Что касается неодушевленных существительных, то Бодуэн де Куртенэ был, вероятно, прав, предполагая для них индукцию винительного падежа единственного числа. Так, повидимому, надо понимать *gòra* (*hòra*); ср. русск. *gorà*: *gòpy*, серб.-чакав. *gorà*: *gòru*; *jìgla* (*jihla*, *jichra*), *moèttla*, *Moèja* «название местности — Межа» (ср. и серб.-чакав. *iglà* : *iglu*, *mejà* : *mèiu*) и др. Надо думать, однако, что такие существительные, как *nòga* (*nòha*), *sòlza* «слеза», получили оттянутое на корневой слог ударение скорее от форм именительного-винительного падежей множественного числа (которые, сравнительно с именительным падежом единственного числа, у части слов рано подверглись влиянию подвижного типа).

Впрочем относительно *mahlà* «мгла, туман» и *ròsà* (при *ròsa*) Бодуэн де Куртенэ утверждает, что это «слова, употребляемые в резьянском по преимуществу в *pominativ'e*»².

В резьянском наречии словенского языка форма дательного падежа множественного числа звучит *utrùcin* «детям» под влиянием именительного *utruci* = *otročè*³.

В словинском наречии кашубского языка несколько слов мужского склонения под влиянием именительного падежа множественного числа получили в дательном множественного перед окончанием *-m* гласный *-i-*. Почти все соответствующие слова — одушевленные существительные: *lādīm* (им. *lādā*) «людям», *kùrjīm* «ковням», *kòurjīm* «лебедям» (им. падеж ед. числа *kòur*); ср. верхнелуж. *kolp* (русск. *колтик*); в Гросс-Гарде еще *psīm*, которое, впрочем, по предположению Ф. Лорентца⁴,

¹ И. Бодуэн де Куртенэ, указ. соч., § 167.

² Там же.

³ См. там же, § 270.

⁴ F. L o r e n t z, *Slovinzische Grammatik*, СПб., 1903, § 117; там же см. относительно *à* как рефлекса *i* (§ 37).

дия в одушевленных существительных с суффиксом *-овець*, род. падеж *-овця*; здесь сказывается влияние именительного падежа единственного числа на косвенные падежи. См.: *народовець*, *урядовець*, *службовець*, *наукбовець* и т. п., однако количество исключений, т. е. случаев обратного влияния остальных форм парадигмы на именительный падеж единственного числа, здесь больше: *верхівець*; род. падеж *верхівця*; *фахівець*; род. падеж *фахівця*; *початківець*, *значківець* и т. п. В большинстве случаев это, однако, слова позднего и ненародного происхождения. Обращает на себя внимание последовательность индукции при этом суффиксе в польском языке. В косвенных падежах существительных *fachowiec*, *bezdogmatowiec*, где *-o-* оказывается в закрытом слоге, нет обычно фонетически закономерного перехода *-o-* в *-ó-*, что объясняется влиянием именительного падежа единственного числа. Однако и в польском эта категория существительных состоит едва ли не сплошь из поздних по образованию слов.

В украинском и польском интересны существительные на *-овець* (укр.), *-owiec* (польск.), образованные от прилагательных, у которых *-ов-*, *-ow-* представляет собою слабо изолирующийся элемент соответствующего прилагательного. В польском языке эти существительные неодушевленные, и тем не менее они имеют в косвенных падежах тоже фонетически необъяснимое произношение *o*, вероятно, благодаря сильной поддержке прилагательных на *-owu*: *jałowiec*: *jałowsci* «можжевелик»: *jałowu* «сухой»; *sirowiec*: *sirowsci* «чугун; сыромять, сыромятный ремень»: *sirowu* «сырой». В украинском языке слово *сировець* «хлебный квас»: род. падеж *сировцю*: *сировій* «сырой, влажный» едва ли не чаще выступает в виде *сирівець*: род. падеж *сирівцю*. При рассмотрении этого существительного неодушевленного с вещественным значением надо считаться со специальным влиянием родительного падежа единственного числа. Слово со значением «можжевелик» звучит *яловець*: *яловцю*; *яловець*: *ялівцю*; *ялівець*: *ялівцю*, т. е. отражает в литературном языке все три возможных вида оттошений.

Индукция со стороны именительного (винительного) падежа единственного числа наблюдается еще у образований мужского рода на *-ень*: *-ня* (*-нь*: *-нля*): *віростень*, *бплодень*, книжн. *вбдень*.

Что касается слова *рівень*: род. падеж *рівня* «уровень», то направление индукции в нем вряд ли показательное, поскольку для этого слова вероятно очень сильное влияние прилагательного *рівний*. Диалектное (по Гринченко — черниговское) *пастівець* «отгороженная под пастбище земля вблизи жилья», возможно, своим *-і-* обязано не только индукции, которую именительный-винительный падеж испытывает со стороны остальных форм парадигмы, но также и наличию параллельного слова *пастівник*. Одушевленных существительных этого типа немного: *скрекотень* «стрекоз», *велеень* «великан», *віторопень* «разиня», *головень* «голавль, головль». Слова эти обычно или редки, или фонетически мало надежны (два последних, например, с полногласием, в составе которого *o* фонетически не подлежит переходу в *i*). По диалектам известно, однако, и *вєрхівень* «верховой, всадник» вместо ожидаемого *верховень*.

Вполне определена индукция именительного падежа единственного числа у существительных на (непродуктивное) *-ел*, представляющих собою преимущественно названия живых существ: *орел*: *орла* и т. д. (в западноукраинских говорах — фонетическое *вірла* и т. д.); *осел*: *осла* и т. д.; мало употребительное *козел* — *козла* (ср., однако, и у неодушевленного *котел*: *котла*).

Именительный падеж единственного числа у образований на *-ець*

(из *-ьць) влияет на все остальные формы парадигмы и в других восточнославянских языках, но уже в определенной группе образований. Это иллюстрируется примерами: русск. *беглец*: *беглеца́*; *жрец*: *жреца́*; *кузнец*: *кузнеца́*; *мудрец*: *мудреца́*; *подлец*: *подлеца́*; *чернец*: *чернеца́* и т. п. По известному закону о рефлексии былых редуцированных гласных, во всех формах подобных слов, кроме родительного падежа множественного числа, ожидалось бы формы типа *женца*, *пришелеца* (из *жьньца* и т. п.). В украинском языке количество подобных случаев несколько меньше, что, видимо, связано и с упрощением возникавших после падения редуцированных группы согласных: ср. укр. *чернець*, род. падеж *ченця́*. В других случаях имеем в украинском сохранение древних отношений: *женець*: род. падеж *женця́*. Направление индукции в подобных случаях определялось, видимо, воздействием дополнительных моментов фонетико-эстетического порядка, хотя мы и имеем тут преимущественно дело с названиями лиц. Формы именительного падежа возобладали в парадигме, так как иначе должны были бы возникнуть трудно произносимые сочетания трех согласных. Роль одушевленности (значения лица) может быть признана решающей только в случаях такого типа, как *женца́*, *женця́* или *пришелеца́*, *пришелеця́* и т. д. (хотя *пришелец*, *пришелеца* и т. д. еще указывает на борьбу двух видов основы).

Влияние именительного падежа единственного числа на парадигму отчетливо прослеживается также в сербском по отношению к именам существительным, восходящим к формам на *-льсь*, род. падеж *-льса* и т. д. По фонетическому закону сербского языка *ль* в открытом слоге переходит в *о*, но в закрытом слоге сохраняется в виде *-ла-*, т. е. из старых форм **prosilьсь*: **prosilьса* «сват» в современном сербском фонетически возникают *просилац*, но *просиоца*, из **ustalьсь*: **ustalьса* «труженик» — *усталац*, но *устаоца* и т. п. В ряде слов, однако, эти отношения нарушены, так как преобладание получает тип основы именительного падежа единственного числа; так, в литературном и народном употреблении при формах именительного падежа *залац* «злой человек», *кровоилац* «кровоийца», *страдацац* «труженик», *убилац* «убийца», *челац* «шмель»; *дулац* «волынка», *жалац* «жалю», *палац* «большой палец» и др. выступают формы косвенных падежей типа *залаца*, *кровоилаца* и т. д. Не у всех слов при этом утрачены и фонетически закономерные образования: так, нормативными являются при *кровоилаца* и *кровоиоца*, при *палци* и *паоци* (с дифференциацией значения: по Караджичу¹, последнее значит «спицы»; по Новаковичу² — «отверстия на дудке»). Форма *палцеви* известна только, как показывает анализ материала, в таком звучании. Материал указывает на то, что среди слов, обобщивших *л*, решительно преобладают существительные одушевленные.

По поводу слов *залац* и стар. *челац* «улей; трутень» надо заметить, что у них в именительном падеже единственного числа отражено одновременно и обратное направление индукции: долгота первого гласного явно проникла из остальных форм парадигмы.

Как на редкий случай индукции именительного падежа, распространившейся только на родительный и не затронувшей других падежей парадигмы, можно указать на белорусские диалектные формы родительного падежа множественного числа — *мецань*, *крестьянь* (с. Герасименки быв. Оршанского уезда Могилевской губ.)³, где влияние именительного падежа

¹ В. С. Караджич, Српски рјечник, четврто државно изд., Београд, 1935.

² См. С. Новакович, Грамматика сербского языка, перевод с серб., СПб., 1890, стр. 41.

³ См. Е. Ф. Карский, Материалы для изучения белорусских говоров, вып. VI, сб. ОРЯС, т. 88, № 1, 1910, стр. 5.

множественного числа *крестьяне*, *мещане* выразилось в смягчении согласного *н* основы. Параллельный случай — *кресьянь* и *дворьянь* отмечен В. И. Чернышевым¹.

Индукция со стороны именительного-винительного падежей единственного числа обнаруживается в некоторых акцентологических явлениях славянских языков. Так, в чешском и словацком языках в склонении существительных, исторически имевших суффикс *ě* и первоначально обозначавших молодые существа, во всей парадигме установилась долгота гласного звука корня (в формах родительного падежа единственного числа и далее долготы первого слога должна была фонетически сокращаться перед средним ударением): *dítě*: род. падеж *dítěte*; *ptáče*: род. падеж *ptáčete*; *hádě*: род. падеж *háděte* и т. п. Этот факт нужно отнести за счет влияния исходного типа именительного-винительного падежей: **dětĭ*: **dětĭte*: *dítě*, еще и сейчас отчетливо представленных в сербском: *děte*: *dětema* (ср. и чакав. *dítě*: *dítěta*). Такое направление индукции² не исключает, однако, и обратного: древнейший славянский тип с подударным акутированным гласным первого слога — **kŭre*, **jagne* в современных формах частично представлен краткими рефлексам [фонетические долготы выступают только в древнечешском *kŭre* и диалектно, например в кладском говоре, — *jihne* (*ji < jâ*)]³.

Современные литературные формы *kuře*, *jěhně* — нефонетические, а возникшие в результате индукции остальных (трехсложных) форм парадигмы; не исключено также, что определенное влияние оказал параллельный образец — *prase*, фонетически восходящий к древнейшему славянскому **porse*, с подударной циркумфлексовой интонацией корневого гласного (серб. *práse*), отражающейся на чешской почве в виде краткости. При этом обращает на себя внимание тот факт, что влиянию отношений *dítě*: *dítěte* не подверглись лишь совсем немногие старые образования с исходным подударным акутовым по происхождению гласным корня, такие образования, у которых, повидимому, суффиксальный элемент, тесно примыкая к корню, не имел такой производительной силы, как у образований вроде *ptáče* и т. п. Роль этого момента прослеживается и на словенской почве⁴.

Приведенные в статье примеры хотя и далеко не исчерпывают всего круга фактов, связанных с дифференциацией окончаний существительных по одушевленности: неодушевленности, тем не менее достаточны, чтобы признать в последней совершенно определенный специфический фактор морфологического развития славянской системы склонения. Форма именительного падежа, в ряде случаев (при совпадении) поддерживаемая формой винительного, и форма вокатива (звательная форма) оказали особое влияние на формы косвенных падежей у существительных одушевленных, в первую очередь у тех, которые обозначают названия лиц. Конечно, индукцию именительного падежа, как и именительного-винительного, не говоря уже о вокативе, можно констатировать в тех или других языках (наречиях, говорах) и по отношению к неодушевленным именам. См., например, польские формы косвенных падежей единственного числа и формы множественного числа (последние, впрочем, мало употребительны) у ряда abstracta типа: *ciąg*: *ciagu* (вместо фонетических *cięgu* и т. д.),

¹ См. В. И. Чернышев, Сведения о говорах Юрьевского, Суздальского и Владимирского уездов, сб. ОРЯС, т. 71, № 5, 1902, стр. 4, 8, 14, 19.

² Она оказалась также и в факте появления форм вроде *kŭzle* (наряду с фонетическим *kozle*) с безусловной исконной краткостью.

³ Ср. F. Trávníček, указ. соч., § 234.

⁴ См. L. Bulachovskij, Die Akzentzurückziehung im Slovenischen, «Zeitschrift für slavische Philologie», Bd. II, Leipzig, 1925, стр. 400 и сл.

rzad: rzadu (см. *rzędu* и т. д.). *posag: posagu* и под., т. е. с рефлексами корневых носовых; редко у слов с рефлексами корневого *-o-*: *ból: bólu* (вместо фонетических *bolu* и т. д.), у конкретного *mózg: mózgu* и т. д. Подобные же случаи, хотя и не столь регулярно распространенные, наблюдаются и в современном украинском разговорном языке: *dózwila* (им. падеж *dózwil*) вместо правильных *dózwolu* и т. д., *ónipru* (им. падеж *ónip*) вместо правильного *ónopru* (*ónopry*) и т. д.; у сербских абстрактных на *-en* женского рода, *-om* и *-em* — мужского: *jěsen*, род. падеж *jěsenu*, *rymьen*, род. падеж *rymьени* «краснота»¹; *klókot*, род. падеж *klókota* «шум бьющей воды», *mьomьt*, род. падеж *mьomьта*, *trьepьet*, род. падеж *trьepьета*, и т. п.

Однако не удается указать сколько-нибудь определенные категории случаев, которые позволили бы констатировать подобное направление индукции у существительных неодушевленных при отсутствии ее у одушевленных. Иными словами, различие одушевленности: неодушевленности при индукции со стороны именительного падежа практически может и не играть роли, тем не менее индукция этого типа все же преимущественно имеет место у существительных одушевленных или, еще уже, — у названий лиц, где она обычна и более последовательна.

Нарушения этих отношений, повидимому, единичны. В качестве примера можно указать на серб. *kьokьot* «петух», не передавшее своей заударной долготы остальным формам парадигмы, тогда как у *kьokьot* «кудахтанье» заударное долгое *o* в парадигме аналогически обобщилось. Надо заметить, однако, что данный случай явно занимает особое место в системе, так как слово *kьokьot*, род. падеж *kьokьота* и т. д. («кудахтанье») ассоциируется с целой большой категорией звукоподражательных имен существительных (в узком и широком смысле — шумы): *grьoxьot*, род. падеж *grьoxьота* «хот», *glьomьt*, род. падеж *glьomьта* «шум» и т. п., у которых *-ot* адаптировано под суффикс; а у *kьokьot*, род. падеж *kьokьота* «петух» *-ot* является частью корня и ни с каким морфологическим признаком прямо не ассоциируется. Если бы это слово поддалось естественной для одушевленных имен тенденции и обобщило в парадигме заударное долгое *o* именительного падежа, то в результате этого была бы утрачена смысловая разница форм *kьokьot* «петух» и *kьokьота* «кудахтанье»².

Укажем некоторые конкретные вопросы, которые, повидимому, с принятой позиции могут получить более или менее определенное решение. Вопрос об исходном типе ударения может быть предметом спора по отношению к таким, например, названиям животных, как *ovьsa*, *svinьja*; ср. *ovьcu*, но устар. *boьcu*; *svinьью*, но устар. *svinьню*³, так как здесь остается нерешенным вопрос о том, шла ли индукция, действительно, от именительного падежа единственного числа и подчинила себе винительный падеж единственного числа, или, наоборот, нынешнее конечное ударение у этих слов исконно, но, например в старом русском языке, отклонилось в сторону

¹ Последнее слово в сербском имеет гласный суффикса исторически не тот, что в русском *румяный*, а восходящий к *-e-*.

² Останавливает на себе внимание и единственное исключение из общесербского правила об удлинении гласных перед тавтосиллабическим *j*, глухо отмеченное Вуком Караджичем в его словаре как «черногорское», — слово *ramaj* «сахарь». Как у названия лица, у этого существительного в форме именительного падежа единственного числа меньше всего можно было бы ожидать изменения фонетически закономерной формы. Так как краткость второй части основы в форме *ramaj* не была подтверждена никем другим, осторожнее будет не придавать ей большого значения: долготы над вторым *a* могла быть не обозначена Караджичем по недосмотру. Ср. у него же *nbьoj*, род. падеж *nbьоја* и т. п., которые Лескин (указ. соч., § 314), и вероятно справедливо, считает недосмотром.

³ А. Востоков в «Русская грамматика», 12-е изд., СПб., 1874, стр. 205) приводит эти существительные именно с таким ударением.

подвижного типа по аналогии целого ряда других слов искони подвижного типа. Наиболее вероятно, что у данных слов, как у названий существ (кроме насекомых), индукция шла от именительного падежа единственного числа, т. е., иначе говоря, что слово искони принадлежало по характеру ударения к подвижному типу. Ср. *ofcā* и в чакавском говоре города Нового¹, где оно относится к типу с подвижным ударением; у Вука Караджича в его словаре это свидетельствуется формой именительного-винительного множественного числа — *dvce* (оттянутое ударение во множественном числе сохранялось лучше, чем в винительном падеже единственного).

Слово *svinija* у Караджича в именительном-винительном падежах множественного числа звучит *свиѣе*; в том же чакавском говоре оно относится к типу с подвижным ударением вообще².

При этом остается не совсем ясным возникновение русского (диалектного) ударения *кóзу* вместо *козú* (ср. и чакав. *kozŭ*, шток. *kòзу*), серб.-шток. диал. *kòзу*. В данном случае, как можно предположить, имела место не столько аналогия подвижного типа ударения других *ā*-основ, сколько внешнее сближение слова *коза* с семантически родственным *овца*: *бвцу*.

Трудно объяснить чакавскую форму *zmŭja*³: шток. (Караджич) *змѣја*, мн. число *змѣје*, где можно предположить и индукцию множественного числа и звательного единственного (из бранных обращений). Этот случай и некоторые другие подобные не меняет, однако, общего впечатления о направлении охарактеризованных выше процессов.

¹ А. Б е л и ч, Заметки по чакавским говорам, ПОРЯС, XIV, 2, 1909, стр. 226.

² Там же, стр. 228.

³ Там же, стр. 223.